

Андрей Ильенков

Гатские стихи

Родился в 1967 г. в Челябинске. После школы поступил в медицинский институт, в котором проучился пять лет, закончив два с половиной курса, – отчасти благодаря службе в советской армии, которую проходил в 1986–1988 гг. на Байконуре. В 1998 г. закончил Уральский государственный университет (филологический факультет), позднее – аспирантуру, в 2002-м защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Блока. Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Красная бурда». Живет в Екатеринбурге. Заведует отделом прозы журнала «Урал».

* * *

Пищат под ногами люди,
Печально по ним иду.
Никто никого не любит
В дневном городском аду.

Всё движется в час вечерний,
За столики, где в гульбе
Богами кажутся черви
Другим и самим себе.

И пьяный кружится город,
И, видимо, не беда,
Что ночь наступает скоро,
Внезапно и навсегда.

* * *

Чёрное небо над городом властно и вечно.
Белые улицы делятся почти столетья
Зимнею сказкой, которой ни в рожи овечьи,
Ни в человечесие души не в силах смотреть я:

Тошно и страшно, и всё, что здесь можно потрогать,
Предугадал Менделеев, и трогать не надо.

Жить распрекрасно, но стыдно в присутствии Бога,
Точно смотреть на цветок, наступая на гада.

Здесь ничего сверх того, что всучили, не купишь,
И ничего сверх того, что ты знал, не узнаешь,
И не поверишь сверх веры с соратницей вкупе.
Маешься сам, оттого и судьбу свою маешь,

Движешься городом, словно офортами Гойя,
Смотришь в восторге на вечное чёрное небо...
(Есть – и другое, но больно уж больно другое...)

* * *

Неважно, о чем я хочу говорить,
Скажу – что язык продиктует.
Есть голос народа, и всякий квирит
На воду заслуженно дует.

Ведь все мы потомки богов, и у нас
Есть полное право увидеть
Единого Бога, но нет таких глаз –
Вожатые, остановитесь!

Я только тебя, нарушение границ
Отрезав щелчком карабина,
Листаю, как стаю хохлатых синиц
Под ветром на ветках рябины.

* * *

Всё лето не было грибов,
И мы с тобою по привычке
Гуляли, клали черевички
Твои в корзинку для грибов,
Чернику – более в уста,
И запивали алкоголем,
И шли мы лесом, Диким Полем
И Долгим Джонтом. Береста
Ложилась в кузов чаще шишек.
Хоть шишки жарче бересты,
Но в этой жизни, как и ты,

Я больше написал, чем выжег.
И птицы, слышишь, все отпели.
Но вдруг сентябрь – и неужели
Девятым валом из опят
Всё продолжается опять –
И драгоценность канители?

Не сказка

Весна изболелась до самого чистого тона,
А осень, как правило, только надежда на осень,
И многое – только надежда; но вряд ли резонна
Надежда стать птицей, с разбега ударившись оземь.

Ведро – никудашняя снасть для рыбалки на щуку,
А быть дураком не любому с небес прилетело,
И надо спешить, подчиняясь сердечному стуку,
Как максимум делать добро, а как минимум - дело.

И очень спешить, и людей насмешить, и заплакать
От жалости быстрой к себе, а потом рассмеяться...
И, видишь ли, очень сомнительным кажется благо,
Великое благо уже ничего не бояться.

* * *

За оконной рамой неба белый потолок.
Дорогие абоненты, слышите ли вы,
Что сейчас у нас творится полный эпилог?
Чётко замерли на старте золотые львы,

И не только, постепенно более внутри –
Я сказал бы – перестали чистить ДНК,
Но неправда – перестали чистить фонари.
Бесконечно ожиданье скверного звонка,

Бесконечны телефона длинные гудки
(Часто это невозможность обратиться к ней).
Я бы вечно с нею был, да годы коротки,
И летят, летят снежинки чёрные в окне.

* * *

В год, когда заказали овал
С фотографии очень далёкой,
Синий ангел тебе целовал
Близорукое каждое око.

А потом получилась зима,
По сугробам в метели неробко,
Ты не знала ещё и сама,
Как втыкает железная кнопка.

Я устал от проверенной тьмы,
А под солнцем ты Фебу известней,
И с тех пор, как знакомые мы,
Я привык переделывать песни.

Я упрятал в твой бункер иглу
(Тебе тоже там много знакомо),
А в конце я пойду на скалу,
Что не так уж далёко от дома.

* * *

Стихи бессмертны, как и души,
Но мясо гнить обречено.
Срок строк различен: те, что суше,
Живут чуть дольше сочных, но

Слова и буквы – это мясо;
Его едят или плюют,
Но в обществе посмертных масок
Куда как странен наш уют,

И маску с полки доставая,
Я ощущаю скучный страх,
И тем быстрее остывает,
Чем жарче жёг великий прах.

Побойтесь Бога, некрофилы,
Оставьте мёртвым этот срам,
Какая строчка не кровила
Смертельным временем из ран,

А души тленья убежали,
Осыпав опадь мёртвых слов,
Туда, где вечные скрижали
Не знают вовсе языков.

Стихи как выстрел: гильза в луже,
А смерть останется с тобой;
Но только смерть гораздо уже,
И ей не спорить со стопой.

* * *

Упои ты меня, упоительный срам
Ничего не желая, всё мочь.
Неплохую привычку летать по утрам
Только ночь спасёт, только ночь.

Что нам выпить под эту вселенскую дичь
Только ты поймёшь, только ты.
Кораблю никакому не можно достичь
Широты твоей и долготы.

Мимоходом заметишь - а ямб-то хромой,
Но идёшь всё равно по прямой,
(Пусть немного извилистой) ступишь - и ой:
Упоительный полный Покой.

* * *

В ужасе улиц колодезных
Засветло звёзды видны.
Ночь обещают холодную
Без объявления войны.

Словно по зимнему городу
(Бомбой Урал обесточь!)
Славно, здорово и здорово
Слово за слово сволочь.

Стыдно сигналы отслеживать,
Следует счастье пытаться,
Чтобы на свадебном лежбище
Вышли опята опята.

Как я себя укорачивал,
Чтобы тебя уберечь!
Ночь предстоит, и горячая
Речь превращается в печь.

Безымянная звезда

В сей день седьмого листопада
Я по чугунке еду в Гать
В лесах на север от ЕКАДа
Какого лешего искать?

Здесь не слышны людские стуки,
Но появляются слова,
Мои нарядные гадюки
И красноглазая плотва.

Здесь ночь страшна, земля упруга,
И прибывает иногда
Небесноглазая подруга,
И – называется звезда.

* * *

Ещё не вечер, но уже не ночь,
Трудов и дней любимое начало.
Бумажку взять и прочитать точь-в-точь,
Какое слово ночью прозвучало,

Молчком послать знакомых двух собак
И одного таджика с бороною,
На берегу, хрустя, курить табак
И думать: лучше б нас тут было двое.

Река замёрзла; точка с запятой,
Что значит: можно и остановиться,
Но, восхищён снежинок суетой,
Я предпочту не быть, а становиться,

Лететь к тебе на ранних поездах,
Скоропостижных и довольно скорых,
Пока в полях свирепствует звезда,
Всего одна, но ярче светофоров.

* * *

Сейчас амфибрахий, но лучше хорей, чем хорей,
Я раньше был толстый и умный отчасти остался,
И вот: наблюдая за звёздами, шибко хирею,
И греюсь в холодных огнях проезжающих станций.

Безлиственной рощи своей ворошу мениппеи,
Реки менопаузу ставлю, и в пять пополудни
Смотрю на луну, и глупею, и сильно глупею,
Но лучше рождественский пост, чем извечные будни.

Да, лучше арктический пост, чем наряд за нарядом
Менять по погоде, как эти деревья и люди
(И зайцы до кучи), докучные твари. А рядом
С Полярной звездой безымянная в будущем будет.

Берёзы всё строже и глубже проникнуты страхом,
И время стоит, и над домиком дым, и округа,
Собака стоит, и охотник, не нюхавший праха.
(А нюхавший порох уже не охотник, подруга.)

* * *

Ещё вчера бродил я и мял в кустах багряных
Твои большие булки с повидлом, пил вино,
(Не)истово крестился, покуда гром не грянул,
А нынче погляди-ка во всплывшее окно:

Смотри, через сугробы хромает твой бедняжка,
Немедленно готовый стереть врагов во прах:
Есть маленький баллончик и маленькая фляжка,
На всякий случай челюсть ослиная в кустах.

Иду, иду, родная! Уже не так я быстр,
Как прыгали с тобою от поезда в зенит;
И ты не та, что прежде: тебе звонит министр,
Да больше, чем министр! А мне зима звенит,

Метель бежит навстречу слепым сторукиим Шивой,
А я стою навстречу, перед метелью гном;
Вослед кричат мне дети: «Иди, иди, плешивый!»,
Но спят мои медведи в берлоге сладким сном.